

RU

Специфика интерпретации Н. А. Бердяевым творчества Н. В. Гоголя

Сун Иньнань

Аннотация. Формирование представлений иностранцев о русском характере может строиться на основе фундаментальных текстов русской литературы и публицистики, для которых характерно осмысление русского характера. Цель данного исследования - выявить специфику интерпретации Н. А. Бердяевым творчества Н. В. Гоголя. Научная новизна исследования заключается в определении фокуса философского интереса Н. А. Бердяева в осмыслении текстов Н. В. Гоголя. Результаты исследования показали, что интерпретация Н. А. Бердяевым текстов Н. В. Гоголя детерминирована как переломным периодом в истории России, так и специфическим отношением философа к религии; понимание Н. А. Бердяевым русского стиля основывается на осмыслении социальных и духовных недугов русской интеллигенции, которые философ распространяет на весь русский народ.

EN

Specifics of N. A. Berdyaev's Interpretation of N. V. Gogol's Creative Work

Song Yinnan

Abstract. The perception of the Russian character by foreigners can be formed on the basis of fundamental texts of Russian literature and publicism, which are characterised by the comprehension of the Russian character. The aim of the research is to identify the specifics of N. A. Berdyaev's interpretation of N. V. Gogol's creative work. Scientific novelty of the research lies in identifying the focus of N. A. Berdyaev's philosophical interest in the interpretation N. V. Gogol's texts. The research findings have shown that N. A. Berdyaev's interpretation of N. V. Gogol's texts is determined by both a turning point in Russian history and the philosopher's specific attitude to religion; N. A. Berdyaev's understanding of the Russian style is based on the comprehension of social and spiritual ailments of the Russian intelligentsia, which the philosopher extends to the entire Russian people.

Введение

Работа Н. А. Бердяева «Духи русской революции» была написана в период духовного кризиса русского народа и русской культуры. В переломные моменты истории, по мысли Н. А. Бердяева, всегда проявляются основные национальные черты народного характера: у каждого народа, как и у каждого человека, есть свой, свойственный ему одному способ реакции на происходящие события. Реакции эти отчасти обусловлены накопленным опытом, в том числе грехами и пороками, характерными для данного народа. Не имея представлений о духовном багаже народа, невозможно понять культуру и успешно осуществлять межкультурную коммуникацию, особенно в условиях кризиса, который мир переживает сегодня.

Поскольку русская философская мысль во многом получила свое развитие именно в художественной литературе и публицистике, понять мировоззрение и культурные паттерны русского народа можно, прежде всего обращаясь к литературному наследию русских классиков.

Н. В. Гоголь много размышлял о характере русского человека, о судьбе России, то есть осмыслял, по словам Н. А. Бердяева, *духовный багаж* русского народа, выявлял *русский стиль*. Н. А. Бердяев, отчасти отталкиваясь от работ Н. В. Гоголя, развил собственное видение *русского стиля* и *русских духовных недугов* как части духовного багажа России.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью современного анализа особенностей интерпретации Н. А. Бердяевым (на материале статьи «Духи русской революции») образов русской жизни, представленных в текстах Н. В. Гоголя.

В рамках достижения цели исследования мы ставили следующие задачи:

- обозначить специфику интерпретации Н. А. Бердяевым текстов Н. В. Гоголя;
- описать понятие «русский стиль» в работе Н. А. Бердяева «Духи русской революции».

Работа является филологическим исследованием, основными методами которого стали описательный, герменевтический, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы.

Теоретическая база исследования представлена работами В. А. Воропаева (2017; 2020), В. М. Гуминского (2019), А. Х. Гольденберга (2019), А. С. Евтихеевой (1999), В. Ш. Кривоноса (2005), Т. П. Целехович (2009), посвященными интерпретации творчества Н. В. Гоголя представителями русского зарубежья.

В статье рассматриваются работы Н. А. Бердяева «Духи русской революции» (1918. URL: http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt_with-big-pictures.html), «Русская идея» (СПб., 2008) и материалы «Выбранных мест из переписки с друзьями» (М., 2017) Н. В. Гоголя.

Результаты данного исследования характеризуются практической значимостью, поскольку их можно использовать для формирования представлений о духовном портрете русского народа на основе анализа интерпретации Н. А. Бердяевым текстов Н. В. Гоголя в рамках курсов по русской литературе и культуре для иностранных студентов.

Основная часть

Интерпретация Н. А. Бердяевым текстов Н. В. Гоголя рассматривается исследователями прежде всего в рамках анализа работ мыслителей русского зарубежья (Воропаев, 2017; 2020; Гуминский, 2019; Евтихеева, 1999; Кривонос, 2005; Целехович, 2009). В. М. Гуминский (2019) изучает проблему специфического восприятия русской интеллигенцией религиозного наследия Н. В. Гоголя. В. Ш. Кривонос (2005) отмечает роль критики Н. А. Бердяева в понимании позднего творчества Н. В. Гоголя, в частности, исследователем подчеркивается мысль Н. А. Бердяева о конфликте христианства и истории. Работы В. А. Воропаева (2020) посвящены поэтике Н. В. Гоголя в критике русского зарубежья. Т. П. Целехович (2009) исследует апологию художественного творчества сквозь призму философских работ Н. А. Бердяева, однако исследовательницу в первую очередь интересует творчество Н. В. Гоголя как пример конфликта художника и церковной элиты.

Обращение Н. А. Бердяева к творчеству Н. В. Гоголя во многом обусловлено попыткой философа понять события революционной России. Пытаясь осмыслить революционный опыт русского народа, Н. А. Бердяев обращается к русской литературе, поскольку русские писатели не ограничивались рамками литературы, а «переходили пределы литературы» и стремились быть «учителями жизни» (Русская идея, с. 114). Н. А. Бердяев убежден, что необходимо найти, «уловить связь прошлого и настоящего», несмотря на всю кажущуюся прозрачность прошлого. Лишь найдя эту связь, можно увидеть причины современных событий: поскольку новизна революции мнимая – на самом деле воспроизводится опыт прошлых эпох: «...каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом» (Духи русской революции).

Важным качеством творчества Н. В. Гоголя, по Н. А. Бердяеву, можно считать «непреходящесть», актуальность, злободневность образов, созданных великим писателем: «И сейчас после всех реформ и революций Россия полна мертвыми душами и ревизорами, и гоголевские образы не умерли, не отошли в прошлое, как образы Тургенева или Гончарова» (Духи русской революции). Сам Н. В. Гоголь считал, что герои его близки каждой душе, поскольку они – история его собственной души (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 61).

Для Н. А. Бердяева революционный период в истории России – мрачный период, который он описывает как inferнальную картину встречи России и русского народа со злом: «С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну» (Духи русской революции). Именно поэтому философ обращается к творчеству Н. В. Гоголя, который для Н. А. Бердяева – метафизик зла, художник зла: один из тех, кто всю жизнь чувствовал зло, имел мистический, inferнальный опыт и обладал «чувством магизма» (Духи русской революции).

Корни гоголевского чувства магизма Н. А. Бердяев видит во влиянии католической Польши на культуру Малороссии (Духи русской революции). Магическое чувство зла, по мысли Н. А. Бердяева, характерно для католичества, в то время как русскому православию свойственно предчувствие Антихриста (Духи русской революции). Н. А. Бердяев упоминает даже, что «в духовном типе Н. В. Гоголя было что-то нерусское» (Духи русской революции) (нам хотелось бы отметить некое противоречие в текстах Н. А. Бердяева, когда речь идет о магизме как проявлении русскости/нерусскости Н. В. Гоголя. Заявляя, что магизм Н. В. Гоголя уходит корнями в католичество (то есть условно является не русской, а скорее европейской чертой), Н. А. Бердяев в то же время отмечает особую чуткость русской души к магизму). Отмечая чуткость русской души к магическому началу и более яркому ощущению зла, Н. А. Бердяев предполагает, что русская душа пассивна при встрече со злом: она лишь испытывает ужас, а потому более подвержена соблазнам и риску оказаться «во власти ложной морали, ложного идеала праведной, совершенной, святой жизни» (Духи русской революции). Философ полагает, что и сам Н. В. Гоголь, столкнувшись со злом, не избежал общей для русского народа ошибки, и искания Царствия Божия на земле приняли у него «извращенную форму» (Русская идея, с. 54), что отразилось как в личной жизни, полной мучительного поиска, христианства, переживаемого «страстно и трагически», так и в творчестве, в котором не было места реальным людям, а только «элементарным злым духам...» (Русская идея, с. 54).

Это не вполне поддающееся определению *зло* находит отражение в образах, созданных Н. В. Гоголем, – «в тех бесах... давно уже владеющих русскими людьми» (Духи русской революции). Н. А. Бердяев полагает, что Гоголь открыл не *зло* общественное (социальные пороки), а *зло* как метафизическое начало, как порождающую силу, от которой происходят все социальные пороки (Духи русской революции). Идею Н. А. Бердяева о том, что Н. В. Гоголь был не понят критической школой В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и др. (Духи русской

революции), разделяют некоторые исследователи (Евтихеева, 1999; Гуминский, 2019). Действительно, представление классической критической школы о работах Н. В. Гоголя сводилось к одностороннему восприятию: в нем видели сатирика, высмеивающего проблемы социального неравенства и духовной неразвитости (то есть Н. В. Гоголя воспринимали как художника общественного, а не метафизического зла), и талантливого литератора. Можно согласиться с Н. А. Бердяевым, что критики «просмотрели внутренний смысл великой русской литературы и не в силах были оценить ее художественные откровения» (Духи русской революции).

Н. А. Бердяев высказывает идею о «духовном изъяне» Н. В. Гоголя, которому «не дано было увидеть образов добра и художественно передать их» (Духи русской революции). Однако сам Н. В. Гоголь иначе видел свои способности как писателя-мистика и собственную миссию как писателя: «Бог дал мне многостороннюю природу. Он поселил мне также в душу... несколько хороших свойств; но лучшее из них... было желанье быть лучшим» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 63). Встреча со злом для Н. В. Гоголя – неизбежное препятствие на пути к добру; стремление к добру – единственный мотив работы Н. В. Гоголя как писателя, а само творчество – часть его сражения со злом. Проявление зла в других, как и в себе самом, писатель не соотносил с людьми, но воспринимал как нечто чуждое человеческой природе. Так, в частности, на страницах «Выбранных мест из переписки с друзьями» в письме «Что такое губернаторша» мы читаем следующие строки: «Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблаговел еще более перед Провиденьем...» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 71). Как видно из этих строк, Н. В. Гоголь совсем иначе воспринимал свою способность видеть пороки, видеть зло. Возможно, глубокая мудрость его основывалась на христианском понимании собственного несовершенства: «...я и сам довольно мерзок» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 71). Для Н. В. Гоголя людские пороки – болезнь людей, источник их страдания; он не может воспринимать духовный недуг как повод для насмешки; наблюдение за мерзостями для писателя становится основой любви к ближнему: «И если я приобрел наконец любовь к людям не мечтательную, но существенную, так это все же наконец от того же самого, что всматривался я побольше во всякие мерзости» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 77). Таким образом, сам Н. В. Гоголь опровергает идеи Н. А. Бердяева о «трагедии Гоголя», заключающейся в страхе зла и уродства и в «духовном калечестве» (Духи русской революции). Страх, как следует из приведенных выше строк, стал лишь промежуточным этапом на пути к более высокому уровню духовного роста. Следует заметить, что Н. В. Гоголь – не единственный пример писателя, чей личный духовный опыт нашел отражение в творчестве. Как отмечает Т. П. Целехович (2009), если бы Ф. М. Достоевский «не прошел через бездны и горнила», он не стал бы христианским писателем, «не увидели бы мы образ Божий в его проститутках и убийцах».

Н. А. Бердяев отмечает экспериментальный характер художественных приемов Н. В. Гоголя, используя сравнение писателя с представителями кубизма. Новаторство Н. В. Гоголя как писателя Н. А. Бердяев видит в препарировании при помощи точных и острых художественных приемов «органически целостной действительности». Вслед за В. В. Розановым философ убежден, что в поисках прекрасного в человеке Н. В. Гоголь совершает человекоубийство (Духи русской революции). Однако именно «расчленение целостной действительности» в творчестве Н. В. Гоголя позволяет Н. А. Бердяеву определить сущность «русского стиля».

Под «русским стилем» Н. А. Бердяев понимает «метафизический характер русского народа», важную часть которого составляют «темные духи», «искажающие Божий образ в русском человеке» (Духи русской революции). С точки зрения Н. А. Бердяева, в духовной природе русского человека заложена незащищенность от метафизического зла, вызванная трансцендентностью переживания, именно это отличает его от западного человека, чье переживание имманентно. Трансцендентное восприятие действительности, по мысли Н. А. Бердяева, является признаком «недостаточной духовной возмужалости» и проявляется в различных слоях русского общества по-разному: народная масса становится покорной всему, что посылает Бог, и находится в «рабском состоянии духа», а социальная элита (русская интеллигенция) обособляется в оппозиционно настроенную социальную группу, чуждую как народу, так и социальным институтам и наблюдающую все происходящие события как бы со стороны (Духи русской революции). В этом смысле можно предположить, что все социальные пороки как проявление метафизического зла, описанные Н. В. Гоголем, присущи в большей степени образованной части русского народа, это пороки русской интеллигенции.

Пассивное восприятие действительности, по Н. А. Бердяеву, проявляется в *безответственности* русских. Под безответственностью философ понимает, с одной стороны, склонность русских обвинять внешнюю силу во всех бедах, с другой – ожидание некоей магической внешней силы, действие которой (даже разрушительное) принесет разрешение всех проблем (Духи русской революции). В этом смысле революция, согласно Н. А. Бердяеву, стала наглядным примером «заблуждения революционного сознания»: русская интеллигенция склонна была объяснять социальные пороки самодержавием, «но этим только сбрасывали с себя бремя ответственности и приучили себя к безответственности» (Духи русской революции). Поскольку революция была в большей степени инициирована русской интеллигенцией (Картелёв, 2015), в том числе ориентировавшейся на западное социальное устройство и чуждые русской культуре практики, само революционное сознание можно охарактеризовать как безответственное. Н. В. Гоголь называл *русским обезьянством* склонность представителей дворянства перенимать западный культурный опыт, культурные практики без соотнесения с русским культурным ландшафтом, русскими аксиологическими основаниями, с «метафизическим характером русского народа»: «...ты думаешь... что одни и те же события могут действовать одинаковым образом и на каждый

народ. Тот же самый молот, когда упадет на стекло, раздробляет его вдребезги, а когда упадет на железо, кует его» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 79) Он считал, что умные просвещенные люди в России производят больше беспорядков, чем глупые, «а все оттого, что понадеялись на свои силы да на ум свой» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 79). Писатель также довольно критично относился к европейскому опыту как таковому, отмечая, что в европейских государствах, «которых наружным блеском мы так восхищаемся», далеко не все благополучно и что «в Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 79).

Не вполне очевидно, что имел в виду Н. А. Бердяев, когда говорил, что русские духи, породившие русскую революцию, были использованы врагом на погибель России (Духи русской революции). Если под *врагом* понимать, как это принято в христианстве, дьявола – то можно говорить о некоем мистическом осмыслении Н. А. Бердяевым исторического опыта России. Если же под *врагом* понимать геополитического врага, то можно отметить склонность русских объяснять внутренние кризисы и конфликты внешними обстоятельствами.

Целый блок негативных качеств, изображенных Н. В. Гоголем, проявляющихся по большей мере в самовласти и взяточничестве, который Н. А. Бердяев объединил под общим названием «*нечеловеческое хамство*», включает в себя отсутствие «уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам» (Духи русской революции). Подобный порок преимущественно свойственен тем, кто обладает неким ресурсом власти. Взятка как бы отражает *рабское состояние духа* дающего взятку (лица, стоящего ниже по социальной иерархии) и *самовластие* берущего (лица, стоящего выше по социальной иерархии). При этом, как отмечает Н. А. Бердяев, для русских характерны и *чиновничий трепет* (страх начальства), и «страх Хлестакова» (внутреннее ожидание справедливого возмездия). Очевидно, что ожидание возмездия и страх перед ревизором испытывают как дающий, так и берущий взятку, однако, несмотря на этот страх, оба участвуют в преступлении как государственного, так и нравственного закона.

Как отмечает Н. А. Бердяев, взятка «является устоем русской жизни, ее основной конституцией», то есть не относится к конкретной исторической эпохе или политическому укладу: она лишь одна из форм нечеловеческого хамства (Духи русской революции). Именно поэтому взятка не осталась достоянием царской России, но перешла в Россию революционную. Н. В. Гоголь считал причиной взяточничества тягу к «гадкой скверной роскоши» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 71), однако можно предположить и обратную зависимость: наличие «легких» денег требует реализации в форме броской, пошлой роскоши. Н. А. Бердяев видел в стремлении к роскоши причину пошлости и омертвелости русской души (Духи русской революции).

Развивая идею о незащищенности русской души от метафизического зла, Н. А. Бердяев отмечает еще один русский духовный недуг – *одержимость*, который принимает иногда фантастичные формы, замеченные и отраженные Н. В. Гоголем, в частности *безблагодатный аскетизм*. Безблагодатный аскетизм и одержимость, возможно, становятся плодородной почвой для развития и прорастания «антихристовой морали» (Духи русской революции). Как пишет Н. А. Бердяев, «антихристовы соблазны, антихристова мораль, антихристова святость пленяют и влекут русского человека» (Духи русской революции). Подобный аскетизм, по мысли Н. А. Бердяева, является не победой духа над «грешной и рабской природой» (Духи русской революции), а фактически анти-аскетизмом. Такой анти-аскетизм мы видим у Плюшкина, у Чичикова и у Акакия Акакиевича. Следует отметить, что безблагодатный аскетизм может иметь разные проявления: у Чичикова и Акакия Акакиевича он выражается в стремлении к некой мечте, ради достижения которой они себе во многом отказывают; у Плюшкина – проявляется в форме мании хозяйственности.

Обличая пороки русского народа, Н. В. Гоголь делал это, чтобы обратить внимание людей на само существование этих пороков: «Грешит нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит... оттого, что не видит грехов своих» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 69), а не ввести русского читателя в уныние. Однако Н. В. Гоголь не только обозначил духовные недуги русского народа, но и показал способ их лечения, который заключался в понимании каждым своего христианского долга и в исполнении его ради любви к ближнему: христианским мировоззрением проникнуты все тексты в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Н. В. Гоголь был убежден, что, если помещики, генерал-губернаторы и генерал-губернаторши, жены и мужья будут исполнять свой долг, народ будет нравственно здоров и страна будет процветать. Н. А. Бердяев называет взгляды Н. В. Гоголя «социальным христианством» и характеризует их как «рабью утопию» и «ужасное... религиозно-нравственное учительство... теократическую идиллию» (Русская идея, с. 116). Складывается впечатление, что Н. А. Бердяев, рассуждая о духовных болезнях русского народа и покаянии как способе излечения и духовного перерождения, сам не принимает во всей полноте идею христианства и остается лишь «христианствующим интеллигентом» (Гуминский, 2019, с. 124).

Заключение

Результатами нашего исследования стали следующие выводы:

- тексты Н. В. Гоголя для Н. А. Бердяева – опыт встречи писателя с метафизическим злом;
- с точки зрения Н. А. Бердяева, Н. В. Гоголь экстраполирует свой мистический опыт на русский народ, считая, что грехи русского народа обусловлены проникновением метафизического зла в сердце каждого человека;
- по Н. А. Бердяеву, специфические черты характера русского народа (*русский стиль*), репрезентированные в текстах Н. В. Гоголя (трансцендентное восприятие действительности, «русское обезьянство», взяточничество, одержимость, безблагодатный аскетизм), привели русский народ к катастрофе революции.

На наш взгляд, интерпретация Н. А. Бердяева противоречит позиции самого Н. В. Гоголя, прямо выраженной в текстах писателя. Данный факт можно объяснить прежде всего тем, что Н. В. Гоголь – продолжатель русской святоотеческой мысли, а Н. А. Бердяев не был ортодоксальным христианином (Воропаев, 2017, с. 9). Мистицизм Н. В. Гоголя проникнут светом, «желанием быть лучшим» (Выбранные места из переписки с друзьями, с. 63) и обращен к свету, а не ко злу. Н. А. Бердяев не видел обращения к свету в текстах Н. В. Гоголя. Кроме того, понимание Н. А. Бердяевым отражения *русского стиля* в творчестве Н. В. Гоголя основывается на осмыслении философом социальных и духовных недугов не столько русского народа, сколько русской интеллигенции.

Перспективы дальнейшего исследования, на наш взгляд, лежат в области сопоставления интерпретации текстов Н. В. Гоголя представителями русского зарубежья с собственно текстами писателя.

Финансирование | Funding

RU Данная статья финансируется Китайским постдокторским фондом (2020M670618).

EN The article is funded by China Postdoctoral Fund. 2020M670618.

Источники | References

1. Воропаев В. А. Гоголь и святоотеческое наследие (к постановке проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2017. № 5.
2. Воропаев В. А. Миросозерцание и поэтика Н. В. Гоголя в критике русской эмиграции (1921-2018) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8522
3. Гольденберг А. Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте. Волгоград: Перемена, 2019.
4. Гуминский В. М. Гоголь и русская интеллигенция (к постановке проблемы) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53.
5. Евтихеева А. С. Гоголь в критике русского зарубежья: дисс. ... к. филол. н. М., 1999.
6. Картелёв И. Л. Интеллигенция в революции 1905-1907 гг. в России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69).
7. Кривонос В. Ш. Поворот или надрыв? (Поздний Гоголь в исследованиях русского зарубежья). 2005. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1546>
8. Целехович Т. П. Н. Бердяев о Н. Гоголе: апология обреченности // Альфа и Омега. 2009. № 55. URL: <https://www.pravmir.ru/n-berdyayev-o-n-gogole-apologiya-obrechyonnosti>

Информация об авторах | Author information

RU Сун Инънань¹
¹ Нанькайский университет, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика

EN Song Yinnan¹
¹ Nankai University, Tianjin, The People's Republic of China

¹ song_yinnan@126.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.08.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): Н. В. Гоголь; Н. А. Бердяев; русский характер; русский стиль; N. V. Gogol; N. A. Berdyayev; Russian character; Russian style.